Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 23770 1939 г.

Изданіе Травина. Цѣна 1 к.

БАРАБАНЪ

ВОЕННЫЙ юмористическій альманахъ.

Складъ изданія: Москва, Уланскій пер. д. 18.
При типографіи.

Съ слѣд. воскресенья будутъ выход. вып. юмор. соч. ДѢДА ТРАВОѢДА

Война съ нѣмцами. Самыя послѣднія новости!.. Вѣрнѣй всѣхъ газетныхъ сообщеній!!!

Сербская мать.

Австрійскіе полчища въ Сербію вторглись...
Ихъ много насъ мало... Но мы вѣдь славяне?
И намъ не учиться съ врагами сражаться.
Всѣ взрослые вышли ужъ на поле брани...

Два сына младенца остались у сербки,
Она ихъ укроетъ, въ горахъ, воспитаетъ,
И выростутъ вольными юныхъ два серба
И врагъ тогда сербское мщенье узнаетъ!

Сытыя-веселыя

юмористическій романъ въ 3 частяхъ.

Часть I.

ГЛАВА IV.

Лунною ночью въ паркѣ.

Не большой садъ при нансіонѣ м-ме Гитю, называвшійся для шику паркомъ, производилъ очень пріятное впечатлѣніе правильно разбитыми дорожками, густыми деревьями, изящными клумбами и небольшими, но хорошей работы, статуями. Изъ послѣднихъ особенно выдѣлялась статуя Амура и Психеи на центральной площадкѣ сада. Шаловливые божки такъ сладко, непринужденно цѣловались, позы ихъ такъ были непринужденны и откровенны, что невольно располагали зрителя продѣлать тоже самое въ дѣйствительности съ собственной особой.

Ночью, при блѣдномъ освѣщеніи луны паркъ казался какимъ то таинственнымъ, зачарованнымъ мѣстомъ. Статуи словно оживали, шевелились, что-то беззвучно говорили другъ другу. Хотѣлось притаиться, незамѣтно подкрасться къ нимъ и подслушать, о чемъ они говорятъ. Быть можетъ о томъ далекомъ, безвозвратно ушедшемъ въ вѣчность времени, когда въ этомъ паркѣ гуляли мужщины съ напудренными буклями и косами, въ длинныхъ, шелковыхъ чулкахъ и цвѣтныхъ ботинкахъ съ бантами и пряжками, любезничая съ дамами, юбки которыхъ теперь можно представить себѣ только при взглядѣ на тысячепудовые колокола?

Вѣтерокъ тихо шевелилъ листья кустовъ и деревьевъ. Статуи вели свои нѣмые разговоры. Луна, какъ самый старательный полицейскій, начистившій свои бляхи до невозможности, строго поглядывала на пустынныя дорожки и на шалости Амура съ Психеей, не знающихъ стыда.

Въ это время на одной изъ дорожекъ показалась человѣческая фигура съ дорожной сумочкой черезъ плечо.

Это былъ Сержинька.

Онъ внимательно поглядывалъ по сторонамъ, словно разыскивая что-то и скоро нашелъ. Съ одной скамейки поднялась женская фигура и двинулась ему навстрѣчу.

— Сержинька!

— Роза!

Эти короткія, вполголоса, восклицанія, заставили ихъ пугливо оглянуться по сторонамъ.

Имъ приходилось опасаться многаго.

И дѣйствительно, едва только успѣли они поздороваться, какъ гдѣ-то поблизости, въ кустахъ, раздался сдержанный смѣхъ, уловить который только и могъ напряженный слухъ влюбленныхъ.

— Тише!—шепнула Роза, увлекая Сержиньку въ сторону отъ дорожки, подъ тѣнь густыхъ деревьевъ. Они пробѣжали прямо по травѣ до слѣдующей дорожки и опустились на скрытую низкими вѣтвями дерева, скамейку.

Между тѣмъ на томъ мѣстѣ, съ котораго они поспѣшили скрыться, показались три нашихъ героини.

— Куда же они скрылись? Вѣдь мы ихъ ясно слышали здѣсь!—воскликнула изумленная Мэри.

— Они должны были побѣжать по этой дорожкѣ, къ площадкѣ,—указала рукой Дина.

— Но мы ихъ не видимъ. Не на крыльяхъ же они летаютъ?—разсердилась Мэри.—Такъ скоро всю дорожку они не могли пробѣжать.

— Тогда... тогда они ушли назадъ проговорила Лора.

— Къ „Гиппопотаму"—ужаснулась Мэри—Ну, на это они и вовсе неспособны. Нѣтъ, они гдѣ нибудь спрятались тутъ поблизости. Давайте искать ихъ по кустамъ. Только не расходиться!!

Воспитанницы свернули въ кусты и стали ихъ обшаривать, стараясь, въ тоже время, не шумѣть...

НА ЕРОПЛАНѢ.

Ударили въ барабанъ и встряхнулся дѣдушка Иванъ! Встряхнулся, потянулся, не спѣша въ лапти обулся и, вытащивъ изъ сарая еропланъ рогожный, сдулъ съ него пыль осторожно, подмаслилъ гдѣ надо и гдѣ не надо, прочистилъ все насквозь безъ пощады и убѣдившись, что машинка совсѣмъ стала новою, отправился звать на войну свою одноглазую дуру бѣдовую!

— Гей ты старая, въ ротъ тебѣ австріака, ай не чуешь, что на ближнемъ востокѣ драка?

— Слышу, гритъ, старый пень, да не пришелъ еще мой день, а то вотъ истинный кувшинчикъ, не пожалѣю колѣна и полетятъ у меня вверхъ тормашками и Прага и Вѣна!

— Ну. это ты ужъ хватила черезъ край,. У австрійцевъ солдатъ-то хоть отбавляй и не допустятъ они такихъ какъ ты, птицъ, до своихъ богатыхъ столицъ!

— Меня-то не пустятъ? старуха озлилась.—Да еще такая армія на свѣтѣ не родилась, которая бы меня могла не пропустить, а про австрійцевъ нечего и говорить.

Храбры они изъ подъ пушекъ гонять лягушекъ, но не противъ такихъ, какъ я, божьихъ старушекъ..

Я у нихъ всю артиллерію ухватомъ поваляю и въ Дунай, какъ негодные горшки, пошвыряю, а на все австрійское воинство только плюну и всѣхъ, того—

Какъ комаровъ сдуну!

Видно и вѣрямъ, братцы, австрійцамъ не сдобровать, задастъ имъ одноглазая ягнячья мать, то есть, не надо быть пророкомъ, а ужъ преподнесетъ—коку съ сокомъ!

Съ такими-т вотъ разговорами мы съ одноглазой на еропланъ взгромоздились, Москвѣматушкѣ поклонились да какъ гаркнемъ уру приотлетѣ, инде всѣхъ куликовъ перепугали на русскомъ болотѣ!

Летимъ мы надъ Русью великой и всюду слышимъ единодушные крики! Да здравствуетъ Сербія! нѣмцевъ долой! Вся Россія, какъ одинъ человѣкъ рвется въ бой и хотя кровавый призракъ многихъ смущаетъ, но каждый такъ полагаетъ, что можетъ быть это уже въ послѣдній разъ, что можетъ быть германскій угражающій кулакъ исчезнетъ изъ нашихъ глазъ и не станутъ народы изъ силъ выбиваться и безъ конца все вооружаться и вооружаться?!

Съ этой надеждой и мы съ одноглазой на войну помчались и даже сторонниками войны оказались!..

Все равно, когда люди кулаки сучатъ, то ужъ обязательно въ удобное время другъ друга взбучатъ. Такъ пусть-же это совершится поскорѣй, а не виситъ въ воздухѣ вѣчной угрозой для добрыхъ людей!..

Въ слѣдующій разъ, братцы. я разскажу вамъ, какъ воевалъ съ Австріей я купно съ одноглазой своей...

А теперь нѣкогда. Начинаемъ сраженіе!

До свиданья—до воскресенія!

Дѣдутка.

КОМУ ЧТО НУЖНО.

Кому размятому быть хочется:
По „электричкѣ" пусть прокатится.
Кому-же жизнь совсѣмъ не нравится
То пусть по Курской тотъ отправится.

— —

Въ жизни, полной заботъ,
Если горе придетъ,
Ты не гнися,
И въ борьбѣ роковой,
Ты встряхни головой—
Улыбнися!

ПОДРУГИ.

— Что ты плачешь, милая?

— Какъ-же кухарка отошла отъ мѣста и я должна готовить мужу обѣдъ.

— Такъ скорѣе ему плакать приходится, чѣмъ тебѣ.

ПЕРЕДЪ ЯРМАРКОЙ.

— Ну, вотъ заторгуешь въ пухъ и прахъ.

— Почему такъ думаешь?

— Да вѣдь ты пухомъ торгуешь, а у сынка твоего все прахомъ идетъ.

Какъ нѣмцы воюютъ?

Какъ германскіе полководцы учились осаждать „неприступныя крѣпости“.

ГЕРМАНСКІЯ «ПОБѢДЫ.»

— О мейнъ годъ!—ликуетъ нѣмецъ:
Наши русскихъ побѣждаютъ,
Каждый день по сто миллоновъ;
Въ плѣнъ все русскихъ забираютъ.
(Задача для малыхъ дѣтей: въ которомъ году окончится война?)

ВПЕРЕДЪ!

Россія, мать моя родная;
Мечи нависли надъ тобой,
Семьѣ народной угрожая
И вызывая всѣхъ на бой!.
Россія мать, съ тобою дѣти,
Забывъ раздоры и вражду,
Итти готовы въ встрѣчу смерти,
Чтобъ отъ тебя отвесть бѣду!
Не первый разъ бѣда лихая
Къ тебѣ идетъ—бывали дни
И ты стонала, умирая
Отъ злыхъ враговъ... но гдѣ они?
И вѣрю я, что такъ же нынѣ,
Россія мать, не ты умрешь,
А тотъ, кто мечь поднялъ въ гордынѣ
И выдаетъ за правду ложь!
Впередъ же, братья дорогіе,
За дѣло правое впередъ!
Пусть врагъ узнаетъ, что Россію
Въ обиду не отдастъ народъ!

П. Т.

— Пшолъ прочь, рушки щвинья!

— Ну моли Бога за нашу кротость, нѣмчура, а то бы я такую нѣмецкую свинью показалъ, что небу стало бы жарко!

СРАВНЯЛИСЬ.

— Ну, братъ, теперь и мы съ богачами сравнялись'!.

— Какъ такъ?

— Да мы попросту голодаемъ, а они «золотой голодъ» испытываютъ!

О СВѢТОПРЕСТАВЛЕНIИ.

— Кто-то пустилъ въ ходъ сказку о томъ что черезъ двадцать три года будетъ кончина мiра.

— Ну, за это время не только сказка, а и дѣйствительность то основательно забудется!

РУССКОЕ УГОЩЕНIЕ.

Мужика спросили, какъ бы онъ угостилъ Австрiю и Германiю?

— Я бы имъ, такимъ хорошимъ, сначала рожи растворожилъ, а потомъ австрiйцу напихалъ бы полный ротъ мыльца а для германца какъ истого нѣмца, не пожалѣлъ бы стрючковаго перца... Ну, а самъ бы за ихъ здоровье побаловался малость винцомъ и закусилъ соленымъ огурцомъ!

— Утка Селезневна, мое почтенiе! Вашего муженька, слышалъ на войну взяли? Очень радъ...

— Чему-жъ радоваться? Всѣ хорошiе люди на войну ушли, а здѣсь одни пѣтухи и остались!

Смрадная баба.

(СЦЕНКА).

Кабинетъ доктора. У письменнаго стола сидитъ эскулапъ. Въ дверяхъ человѣкъ докладываетъ о приходѣ больного.

— Скажи, чтобы въ прiемные часы завтра пожаловалъ.

— Да говоритъ, очень боленъ, и болѣзнь такую мудреную сказывалъ.

— Ну, пусть войдетъ.

Въ кабинетъ входитъ швейцаръ, молодой, бравый: ухо у него подвязано. Отъ самаго припахиваетъ спиртуознымъ.

— Что скажете хорошенькаго?
Больной стоитъ и кланяется.

— Ну, что-же у васъ болитъ?

— Извините, ваше благородіе, господинъ докторъ, а болитъ.

— Да говорите же, вѣдь некогда мнѣ. Что вы чувствуете?

— Оголтеніе чувствую, ваше благородіе!

— Какое такое оголтеніе? Я васъ не понимаю.

— Видите, это самое, какъ, значитъ, я отъ Анфисы Ѳедоровны отошелъ; я у нея въ швейцарахъ состоялъ; а эта самая Анфиса Ѳедоровна вышла замужъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, за гарнизоннаго прапорщика, а допержь того, въ купчихахъ состояла, и какъ это вышла, такъ сейчасъ мужа-то въ самый чулокъ запрятала, и всякимъ манеромъ его, то щеткой, а нѣтъ вальк омъ, или другимъ какимъ струментомъ, а то и утюгомъ, все до самой пужала. Вы Анфису Ѳедоровну не изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю; скажите, причемъ же тутъ ваша болѣзнь-то, и къ чему вы мнѣ все это разсказываете?

— Да я, собственно, на тотъ случай, ежели вы знаете Анфису Ѳедоровну, а ежели не знаете, то я, ваше благородіе, не во гнѣвъ вашей милости, а такъ, прямо скажу, спроста, значитъ, безъ церемоній, Анфиса Ѳедоровна—это, одно слово—смрадная баба.

— Да на кой чортъ мнѣ все это знать?

— Антиресно, ваше благородіе.

— Ну, коли интересно, такъ разсказывайте.

— У самой это Анфисы Ѳедоровны, на верху, значитъ, въ третьемъ этажѣ, живетъ одна баронша; такъ-то она въ дѣвицахъ записана, а сама то, должно полагать, даса, ну, и въ возрастъ пришла, сорокалѣтіе, поди, давно имѣетъ; она одна живетъ съ компаньонкой; тато—такъ себѣ, баба ледащая будетъ, вниманія не стоящая, да и совсѣмъ на манеръ старой хрычевки выглядитъ, а сама то баронша—ничего этакое округленіе и всякая полнота тѣлесная есть, а краснымъ мѣломъ щеки подотретъ, такъ и съ румянцемъ выкажатъ; вотъ эта самая баронша въ одномъ разѣ позвала меня къ себѣ,—сама это въ незабылье сидитъ; вотъ, говоритъ, видишь, письмо это снеси и самолично по этому значитъ адресу, а адресъ-то тамъ прописанъ; таперича его я забыьылъ, ей-Богу, забылъ, ваше благородіе.

— Ну, и прекрасно, вы очень долго разсказываете.

— Да я, значитъ, ваше благородіе, какъ есть все, значитъ, досконально хочу разсказать, чтобы къ самой болѣзни то подойти.

— Ну, вотъ, о болѣзни-то разскажите, да прямо, безъ подходовъ.

— Никакъ это не могу, потому—казусъ. Совсѣмъ, значитъ, не по артикулу выходитъ. Необнаковенно.

— Такъ вы, пожалуйста, поскорѣй.

— Вотъ, ваше благородіе, господинъ докторъ, какъ это я письмо отъ нея взялъ, и снесъ господину Корчагину, адвокату ейному, какъ теперь помню, на Фурштадскую, а оттуда я пришелъ и говорю: что, молъ, такъ и такъ, спасъ, значитъ; а она мнѣ рубль цѣлковый; я это говорю: дозвольте ручку поцѣловать, а она это изъ незабылья выдернула бѣлую руку то, пухлую, подаетъ, да и говоритъ: на!—я ее въ самую середину и чмокъ, и самъ испугался, думаю, что будетъ, а она разсмѣялась только да и говоритъ: на твоемъ мѣстѣ многіе гвардейцы и графы и всякіе другіе отъ чуствій разстаили-бы, а я, говоритъ, въ ничего не могъ въ умѣ содержать до меня касательства. Ну, а какъ я, значитъ, дѣвица женскаго сословія, то кроткихъ мужчинъ, которые скромны, званія простаго и всякое уваженіе оказываютъ, тѣхъ отличаю. Ну, я глядя, по симъ словамъ, значитъ, опять чмокнулъ; опять разсмѣялась: приходи, говоритъ, завтра, чайкомъ, говоритъ, напою, или кофейкомъ,—что лучше?

— Я, сударыня, госпожа барошна, и чаекъ пью, и кофеекъ употребляю, такъ ей и отлепортовалъ.

— Ну-съ, прекрасно, а дальше то что будетъ, скоро ли вы до болѣзни-то доберетесь?

— Да вотъ тутъ самая болѣзнь то и началась съ этого, значитъ, самаго. Отъ этой самой баронской ласки пришелъ, и какъ подумалъ я на счетъ кофею, такъ и выпилъ для радости „русскаго добра“. А тутъ компанія по-

дошла: этой самой Анфисы Ѳедоровны дворецкій и горничная ея Ѳеклуша, такая шустрая, пострѣлъ настоящій, а я съ дуру-то и сболтни, что вотъ, моль, Ѳеклуша, вы отъ насъ, того, рыло-то не очень воротите, потому сама баронша теперь меня къ кофею зоветъ и локотки свои цѣловать дозволяетъ. Такъ ты, Ѳекла, коли я теперь тебя чмокну, понимай, значитъ, какой тебя человѣкъ чмокнулъ.... Ѳеклунька то на это и разобиться, потому что попрежь того я безо всякихъ такихъ антиресовъ прямо, то въ спину щелкну, то за косу дерну, и прочую такую ласку оказывалъ. А она разобидься, да со злости своей женской дурацкой и разскажи Анфисѣ Ѳедоровнѣ, а та-то, смрадная баба, въ старовѣріи обрѣталась, ну, потому и никакого тѣлеснаго разумѣнія не содержала, а можетъ и по другой какой лютости, токмо утресь меня позвала да и говоритъ: коли ты, говоритъ, у баронши локти цѣловалъ, то къ ней поди; пусть себѣ новый домъ покупаетъ, тамъ тебя швицаромъ при своихъ локтяхъ и содержитъ, а у меня, говоритъ, въ чистомъ домѣ надъ воротами крестъ осьмиконечный прибитъ, потому, значитъ, и отрѣшайся, тоисъ, господинъ докторъ, алле адью маршъ на всѣ четыре стороны... Я было ей резоны—куда!—вѣдьма взбѣленилась! страхъ изругала! Ну, я, грѣшный человѣкъ, въ азартъ вошелъ—говорю, молъ: не кричите, не крѣпостной вашъ, нонѣ крѣпостныхъ нѣтъ, да и не по вашему званію ихъ заводить было, а что евто вы на счетъ моей развратности ошибаетесь, потому Ѳеклуньку евто ревность разобрала, а васъ это самая зависть поджигаетъ, что не у васъ моль локти чмокалъ. Какъ это я слово молвилъ—разъярилась баба; былъ у нея въ рукахъ ковшокъ съ саламатой, какъ хватитъ имъ въ меня, все ухо словно саранчой какой залѣпила. Какъ до фатеры добрелъ—не знаю, только послѣ на нее страхъ напалъ: двѣ рубленки на лѣченіе сподобила; ну, а кумъ Иванъ и присовѣтовалъ къ уху то перцовку, на черномъ тараканѣ, настоять и на тряпочкѣ прикладывать; показалось это мнѣ супротивно, да и думаю: перцовку зря не портить; коли, думаю, снаружи помогаетъ, такъ и изнутри поможетъ, и таракана тогда не потребуется, ну, и испилъ, одинъ день, два, три.

— Вы, кажется, и теперь испили?

— Малость самую, ваше благородіе, только по случаю того, чтобы равненіе соблюсти.

— Такъ вотъ въ этомъ вся и болѣзнь-то ваша?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, это только предисловіе, а болѣзнь-то это самое оголтеніе, значитъ.

— Я такой болѣзни не знаю.

— Дурость, значитъ, ваше благородіе, находитъ; какъ это глаза закрою, сейчасъ, значитъ, съ одной стороны смрадная баба Анфиса Ѳедоровна, а съ другой баронша съ голыми локтями лѣзутъ, а по середкѣ—чертикъ этотъ самый вертится и хвостомъ по носу задѣваетъ. И словно судорга какая въ тѣлѣ схватываетъ.

— Покажите-ко, что у васъ тутъ за платкомъ-то? (Осматриваетъ). Да—разбито, но ничего серьезнаго нѣтъ. Примачивайте свинцовой водой и больше ничего. А на счетъ вашего оголтенія, я вамъ скажу—пейте меньше водки. Прощайте. Скажите, что-жь вы на нее къ мировому не жаловались, на эту Анфису-то?

— Нельзя, ваше благородіе, было. Потому какъ она меня, по своему старовѣрству-то, угостила, такъ я этотъ самый черепокъ отъ горшка поднялъ и ей такой же комплиментный салютъ отпустилъ; малость въ переносицу попало, я оттуда отскочило да въ зеркало и трахнуло. Теперь я ее въ страхѣ содержу, потому у нея зеркало разбито и переносье чешется—худыя примѣты все. Она на счетъ жизни въ сумленіе пришла. Споначалу жаловаться на меня хотѣла, а какъ страхъ разобралъ—мнѣ два рубля прислала, вотъ эти самые,—задобрить, значитъ, чтобъ на счетъ жизни. Примите ихъ, ваше благородіе.

— Да мнѣ, пожалуй, и не надо, оставьте себѣ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, ужъ возьмите, потому я отъ этой смрадной бабы ни за что ничего при себѣ держать не буду. Провались она совсѣмъ!

Контора изданій К. П. Травина,

Москва, Уланскій пер., д. 18, Типографія.

Изъ конторы изданій К. П. Травина можно выписывать слѣдующія книги

ДОЛЖНОСТИ и ЗАНЯТІЯ. новая книга „**СЛУЖБА, ТОРГОВЛЯ, РЕМЕСЛО**"

Составлена группой практиковъ служащихъ, торговцевъ, ремесленниковъ. Содержаніе: 1) Какъ поступать на мѣста? Совѣты и указанія. 2) Какъ открывать всевозможныя торговли? Подробныя объясненія. 3) Какъ изучать ремесла и открывать заведенія? Руководства къ самообученію наиболѣе легкихъ и выгодныхъ ремеслъ. Цѣна книги 70 коп., съ пересылкой 1 руб.

ПОМОЩЬ БОЛЬНЫМЪ, въ 2-хъ частяхъ. Разныя средства, ихъ свойства и цѣлебная сила. Части I. Народныя лекарства. Руководство къ распознаванію и леченію болѣзни простыми средствами. Части II. Травникъ, Цвѣтникъ. Приготовленіе лекарствъ изъ растеній и цвѣтовъ домашнимъ способомъ. Цѣлебныя свойства лекарства, ц. 35. съ пер. 50 к.

Общедоступный народный лечебникъ.

Руководство для врачеванія отъ всѣхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей безъ помощи врача. 222 стран. цѣна 50 коп., съ перес. 75 к.

Лечебникъ секретныхъ болѣзней.

224 стр. цѣна 50 к. съ перес. 75 коп Эта книга по желанію высылается закрытой посылкой.

ЗАКОНЫ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ:

«Землякъ» народное изданіе: Правила о выдѣлѣ къ од. м. Врем. правила о вол. Судахъ. Разъяснит. Указы. Пр. Сената. Правила о крестьянскихъ товариществахъ. Законъ 18 мая 1911 г. объ опекѣ. Семейные раздѣлы. О содержаніи родителей. О наслѣдован. О духовномъ завѣщ. Правила поряд. Взыск. долговъ и мн. др. Цѣна 35 к. съ пересылкой 50 коп.

Юридич. совѣты крестьянамъ.

Какъ укрѣпить въ собственность земельный надѣлъ и какъ владѣть землей на правахъ собственника. Съ приложеніемъ закона 14 іюня 1910 года Цѣна 25 к. съ перес. 35 к.

НОВЫЙ ПОЛНЫЙ ДѢЛОВОЙ ПИСЬМОВНИКЪ, содержавшій въ себѣ всѣ дѣловыя бумаги, прошенія во всѣ присутственныя мѣста: судебныя и административныя договоры, довѣренности, выдержки изъ вексельнаго устава съ образцами векселей: опека и попечительство, торговые циркуляры и проч. Ц. 50 к. съ перес. 75 коп.

САМОУЧИТЕЛИ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ. Нѣмецкаго, цѣна 75 коп. Французкаго, цѣна 75 Англійскаго, цѣна 75 коц. Латинскаго, ц. 75 коп.

ПОМОЩЬ КРЕСТЬЯНАМЪ и ВСѢМЪ ИМѢЮЩИМЪ ХОТЯ НЕБОЛЬШОЙ УЧАСТОКЪ ЗЕМЛИ. Содержаніе: Какъ безъ особыхъ затратъ улучшить свое хозяйство. Всѣ необходимыя свѣдѣнія по земледѣлію, огородничеству, съ отдѣломъ, содержащимъ свѣдѣнія, какъ обойтись и что предпринять при появленіи какой либо болѣзни у скота, домашней птицы и какъ бороться съ врагами сельскаго хоз., гусеницей и пр. Ц. 30 к. съ пер. 50 к.

ЮМОРЪ и САТИРА.

«Не въ бровь а въ глазъ», — юмор. сбор. болѣе 100 рисунк., сост. Дѣдъ травоѣдъ ц. 20 к. съ перес. 30.

„Жизнь на изнанку", — юмор. сборн. съ рисунк. ц. 40 к. съ перес. 60 к.

„Дядя Тарасъ на все горазд ъ", — юмор. сборн. съ рис., ц. 20 к. съ перес. 30 к.

„Царство генераловъ" — сказка нравовъ ц. 5 к. съ перес. 7 к.

„Похожденіе московскаго пинкертона Агафона и его слуги Луки, ц. 5 к. съ пер. 7 к.

„Копѣйка Чародѣйка", — юмор. журн. за 1911 г. въ обложкѣ, ц. 30 к. съ перес. 50 к.

„Бой Рожокъ", — юмор. журналъ за 1911 г., въ обложкѣ, ц. 20 к. съ перес. 35 к.

РОМАНЫ РАЗСКАЗЫ И СТИХИ.

„Ускореннымъ темпомъ", — романъ, ц. 50 коп. съ перес. 70 к.

„Крестный путь", — разсказы, П. А. Травина ц. 50 к. съ перес. 70 к.

„Въ народѣ", — разск. Г. Завражнаго ц. 50 к. съ перес. 70 к.

Книга страшныхъ разсказовъ", — съ рисунк. ц. съ перес. 30 к.

„По другой дорогѣ", — повѣсть, П. А. Травина ц. съ перес. 10 к.

„Доля Бѣдняка", — иллюстр. народн. изданіе за 1909 г. ц. 40 к., за 1911 г. 35 коп. съ перес.

Наложнымъ платежомъ на 10 коп и дор.

Москва. Типографія С. А. Алянчикова Уланскій пер. д. 18.

Издатель К. ТРАВИНЪ